

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863-1864 ГОДОВ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Аннотация: Пребывание поляков на Южном Урале является неразрывной частью как польской, так и российской истории. Вклад поляков в хозяйственное и культурное развитие края был значительным. В силу своей более высокой, по сравнению с местным населением, образованности, а также врожденной любознательности и предприимчивости, поляки принимали участие во всех областях жизни. В большинстве случаев местные власти и население относились к польским переселенцам довольно лояльно. Поляки вносили культуру и знания во все сферы жизни местного общества и в большинстве случаев находились в дружественных отношениях с местным населением – не только христианским, но и с мусульманами и язычниками, находя у них поддержку и понимание.

Ключевые слова: Польские ссыльные; Оренбургская и Уфимская губернии; Губернатор Крыжановский Н.А. ; Фостович-Загорский Бронислав; Пенькевичи Петр и Альберт; Виткевич Ян; Сераковский Зыгмунт; Дворжецкий Станислав; муфтий Тевкелев.

Из сосланных на Урал участников польского национально-освободительного восстания 1863-1864 гг. большое количество их было расселено по крепостям и городам Оренбургской и Уфимской губерний под присмотром, так называемых "надзорных команд".

В 1865 г. в городах Оренбургской и Уфимской губерний находилось под надзором полиции 485 человек, высланных из Царства Польского и западных губерний.¹

Согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел от 28 мая 1863 г. № 80 в Оренбургскую губернию должно было быть сослано 336 чел.² Таким образом, число высланных превышало предполагаемое число на 149 чел. В вышеприведенную цифру не были включены ссыльные, прибывшие сюда для водворения на казенных землях, но оставались в г. Уфе временно не поселенными из-за отсутствия распоряжений, "какие необходимы со стороны ведомства государственных имуществ".³

Среди поляков, находившихся на водворении в городах Оренбургской губернии, были люди различных социальных групп: дворяне, разночинцы, мещане,

¹НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 548. Л. 63об.

²НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 548. Л. 61-64.

³НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 548. Л. 63-63об.

духовенство, офицеры, рядовые, иностранные подданные, крестьяне и даже бродяги.⁴

Следует отметить, что подавляющее число ссыльных, осевших в городах Оренбургской губернии, было благородного происхождения (67% от общего числа).

Кроме того, часть ссыльных была поселена в деревнях Уфимского уезда Уфимской губернии. По предписанию Первого Департамента Министерства Государственных Имуществ водворение польских переселенцев на казенных землях могло быть допущено по три семейства в одно селение, с тем, чтобы семейства эти не принадлежали к одной и той же партии по месту прежнего их жительства.⁵

«Водворению на казенных землях» подлежали шляхтичи и неутвержденные герольдией дворяне,⁶ однако на практике это происходило редко. В Оренбургской губернии они селились чаще всего по городам, пособия от казны не получали. «Водворялись» на казенных землях, как правило, мещане и крестьяне.

Губернатор Н.А. Крыжановский предложил не расселять польских переселенцев на всем пространстве двух уездов Оренбургской губернии (Оренбургского и Челябинского), как предполагалось правительством, а сгруппировать их в определенных пунктах и даже, по возможности, особым поселением. Свое предложение Крыжановский мотивировал тем, что данная мера, во-первых, даст полиции больше средств иметь за ними строгий надзор, во-вторых, отнимет у переселенцев возможность образования сети на территории двух уездов и непосредственного сообщения с отдаленными от их поселения деревнями, что затруднит осуществление возможных беспорядков в губернии, и в-третьих, если бы польские переселенцы и вздумали действительно произвести какие-нибудь политические демонстрации, то при поселении их в одном пункте, будет гораздо легче подавить их возмущение.⁷

Большая часть польских переселенцев была поселена в Оренбургской губернии на землях государственных крестьян в Челябинском уезде. Возможно, представление Н.А. Крыжановского сыграло в этом свою роль.

На казенных землях Уфимского уезда проживало в 1864 г. 29 ссыльных поляков.⁸

Таким образом, среди репрессированных были представители разных сословий и слоев населения, с преобладанием дворянства. Многие из них были сосланы из подозрения в «неблагонадежном политическом отношении». Отличительной особенностью этого потока был высокий удельный вес среди сосланных женщин: замужних и девиц, с мужьями и детьми и без них, вдов, совсем молодых и престарелого возраста. Некоторые женщины ехали добровольно в ссылку, чтобы разделить горькую участь своих близких.

---

⁴Подсчет производился по данным «Ведомости о сотоящих под надзором полиции в городах Оренбургской губернии поляках, высланных после событий в Царстве Польском в 1863 году за 1864 год», хранящейся в Национальном архиве РБ//НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608.

⁵ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 501. Л. 1-2.

⁶НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 622. Л. 1.

⁷ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 501. Л. 1-2.

⁸НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 552. Л. 120-120об.

Первые ссыльные волны 1860-х гг. были отправлены на Южный Урал в конце 1860 - начале 1861 гг. Их было немного и наказание их еще не было таким строгим, как в последующие годы. В основном, это были представители разночинцев, интеллигенции, учащейся молодежи. В их числе в Оренбургскую губернию был сослан чиновник Варшавского страхового управления Станислав Иванович Вольский, обвиненный в печатании и распространении разных, с точки зрения властей, возмутительных брошюр и объявлений.⁹ Однако его наказание не было сопряжено с лишением каких-либо особых прав и преимуществ и вскоре, в сентябре 1862 г. он был амнистирован в числе других ссыльных и получил возможность вернуться на родину.¹⁰ В это же время в Оренбургскую губернию был сослан врач Фостович-Загорский Бронислав Игнатьевич с семьей, назначенный вскоре губернским врачебным инспектором.¹¹

Основная же масса польских ссыльных этого этапа поступила на Урал в 1863-1864 гг. Ссыльные не "благородного" происхождения в основной своей массе следовали пешим порядком. На подводах разрешалось везти только беременных женщин, женщин с грудными детьми и детей до 14 лет. Ссыльных на время следования формировали в партии. Каждую партию политссыльных сопровождала особая этапная команда. Ссыльным из дворян и духовенства разрешалось брать подводы с лошадьми и кучерами, оплачиваемыми из казны в счет "суммы Царства Польского". Каждому такому ссыльному давались в сопровождение 1-2 жандарма с бумагой, предписывавшей выделять лошадей с проводником "за указные прогоны, без задержания".¹²

Огромные трудности приходилось испытывать ссыльным польским повстанцам на их долгом пути до отдаленных городов Урала. Многие из них не выдерживали все моральные и физические трудности, выпадавшие на их судьбу, суровый климат края окончательно расстраивал здоровье впервые попавших сюда польских уроженцев. Больницы Уфы, Стерлитамака, Челябинска, Оренбурга, Троицка и других городов и селений Южного Урала, были переполнены тяжело больными поляками.¹³ И, как правило, диагноз - простудные заболевания бронх и легких, расстройство рассудка. Ощущался острый недостаток в медицинском персонале, поэтому к обслуживанию больных привлекались врачи-поляки из самих ссыльных.¹⁴

Несмотря на старания врачей, некоторых больных спасти не удавалось.¹⁵

---

⁹ AGAD. KWM. S.A. 03997.

¹⁰ Gazeta Warszawska. 1862. 9 sierpnia.

¹¹ Zahorski Wladislaw. Moje wspomnienia. 5 tomow//Biblioteka Narodowa.BN11.10455.

¹² НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 573. Л. 9об; Д. 567. Л. 9.

¹³ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 548.

¹⁴ Среди них: лекарь Конрад Хмелевский, дворянин Ковенской губернии, отбывавший ссылку в г. Верхнеуральске, бывший лекарь Россианского дворянского училища Александр Пржестанский, занимавшийся медицинской практикой в г. Троицке, уроженец Минской губернии доктор Валериан Вильчевский, проживавший в г. Уфе, лекари Михаил Бургард и Ксеварий Янковский, также проживавшие в Уфе и многие другие врачи-поляки//НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 28об-29, 33об-34. 42об-43. 46об-47, 51об-52.

¹⁵ В Белебее умер 19.04.1864 г. помещик Минской губ., Август Янишевский, в г. Челябине 01.09.1864 г. скончался дворянин Виленской губ. действительный студент Горыгорецкого института Копец-Владиславов, 24 лет, в г. Уфе - 18.02.1865 г. помещик Борисовского уезда Цезарий Роговский, 31.03.1865 г.

Согласно циркуляру МВД от 7 августа 1864 г. № 140 все издержки на ссыльных должны были быть отнесены на "суммы Царства Польского и 10% сбор с помещичьих имений в Западных губерниях".¹⁶ Для окончательного расчета всех таких расходов предписывалось вести особые счета, которые впоследствии должны были быть представлены в Министерство Финансов. Благодаря этому распоряжению до наших дней дошли бесценные документы, свидетельствующие о жизни и деятельности польских ссыльных в 60-70-е гг. в нашем крае.

Большинство ссыльных находилось в тяжелом материальном положении. Многие из них прибыли без теплой одежды, чаще всего в том, в чем были взяты в плен и отданы под суд. Даже после годов ссылки их личное имущество оценивалось в копейки.

Местные власти, несомненно, видели крайне бедственное положение поляков. Губернатор не раз ходатайствовал перед МВД о выдаче нуждающимся пособий на одежду и обувь. Но обычно получал отказ. Нищета ссыльных доходила до крайних пределов. Не будучи уверенными в куске хлеба на предстоящий день, без приюта, не зная языка и обычаев, поляки оказывались по существу на первых порах брошенными на произвол судьбы.

В марте 1864 г. министр внутренних дел разрешил немедленную выдачу денежных пособий от казны политическим ссыльным по прибытии их к месту ссылки, если они заявят о неимении собственных средств, и это подтвердится наблюдением полиции за образом их жизни. Практически в каждом наблюдательном деле, заведенном на ссыльного, имеются просьбы ссыльных о выдаче пособий в виду тяжелого материального положения. Но постоянная волокита, запутанность в судебном производстве, отсутствие во многих случаях сопроводительных статейных списков приводили к тому, что начальство на местах, не желая выдавать пособия на свой страх и риск, оставляло ссыльных без всяких средств. Даже в тех случаях, когда ссыльный получал полностью пособие от казны, размеры его по существующим в те времена ценам были так ничтожны, что ни в какой мере не могли удовлетворить самых скромных жизненных запросов. Большинство ссыльных вело полуголодный образ жизни.

Постоянной и острой проблемой ссыльных было трудоустройство. Значительная часть поляков до ссылки занималась умственным трудом и не имела навыков к ремеслу или земледелию. Между тем законы запрещали политссыльным служить в присутственных местах, учебных заведениях, больницах, открывать промышленные и торговые заведения.

Но польские ссыльные прибыли на Урал в таком количестве, что местные власти были вынуждены просить губернатора МВД о разрешении полякам занятий в различных учреждениях и присутственных местах. К этому же их побуждал и недостаток образованных служащих на Урале. В 1865 г. министром было разрешено политическим ссыльным поступать на занятия в присутственные места.

умерли штаб-лекарь Адам Грудзинский, 53 лет и однодворец Франц Дунаевский, 50 лет, 19.08.1865 г. в градской больнице г. Стерлитамака скончался дворянин Карл Снешко, 38 лет и др.//НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Л. 39об-40, 51об-52, 56об-57, 63об-64, 68об-69, 75об-76.

¹⁶НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 548. Л. 1в.

Предоставление писцовой и счетной работы ссыльным полякам было не только мерой, предусматривавшей сокращение расходов государства на казенное пособие, не только мерой, позволявшей приискать им заработок, но и своего рода мерой административного надзора.

По недостатку в крае подготовленных учителей отдельным ссыльным, по особому разрешению в виде исключения, разрешалось обучение детей грамоте.

Многие поляки жили за счет своего мастерства – столярного, сапожного, плотницкого, токарного, шорного и др. Польские ссыльные завезли на Южный Урал ряд нужных и редких ремесел.¹⁷ Так, например, шляхтич Бяльского уезда Люблинской губернии Ф. Мульчинский, сосланный 24 октября 1864 г. в г.Уфу, познакомил местных жителей с поделками и починкой золотых и серебряных вещей.

Отдельные ссыльные поляки получили в 1864 г., как вспомогательное средство к содержанию себя, разрешение на охоту в черте городов.¹⁸

Отдельные польские ссыльные зарабатывали на жизнь искусством, одновременно приобщая местное население к европейской музыке. Так, в 1860-е гг. в г. Верхнеуральске Оренбургской губернии действовал оркестр, образованный польскими ссыльными: дворянином Владиславом Силичем, бывшим коллежским регистратором Юстином Довмонтом и отставным поручиком Марцином Румелем. Кроме них, в число оркестрантов входили еще два местных жителя.¹⁹

Большой след в культурной жизни Уфимской губернии оставил одаренный музыкант-педагог и композитор Людвиг Казимирович Новицкий. Людвиг Казимирович, получивший музыкальное образование в Варшаве и издавший в 1850 г. в Петербурге пособие "Полная теоретико-практическая школа, или руководство к достижению правильной и основательной игры на фортепиано, почерпнутая из многих известных сочинителей, в 100 уроках".²⁰ Новицкий блестяще играл на рояле, дирижировал, занимался композиторским творчеством, активно участвовал в любительских концертах и музыкальных вечерах и скоро завоевал признание и авторитет уфимских любителей музыки.

Неизвестно, как бы сложилась музыкальная судьба будущей всемирно известной талантливой пианистки, уроженки Уфы Веры Тимановой, если бы не появился в ее жизни этот поляк, высланный в Уфу вместе с сестрой Александрой после восстания 1863 г. Мать Веры Тимановой пригласила Новицкого для занятий с дочерью и Людвиг Казимирович не жалел времени и сил, развивая музыкальный талант своей ученицы. Он подготовил с ней две концертные программы, с которыми Вера выступила с огромным успехом в Казани и Симбирске в октябре 1867 г. Чувствуя ответственность за развитие своей одаренной ученицы, Людвиг Казимирович заявил матери, что талант Веры требует более опытного руководителя,

---

¹⁷НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 34об-35.

¹⁸НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 610.

¹⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 34. Л. 22-26.

²⁰Кантор Г.М., Карпова Е.К. Музыкальное образование в Казани в XIX веке//Из истории музыкальной культуры и образования в Казани. Казань, 1993. С. 12.

и настоял на поездке в Петербург к А.Г. Рубенштейну, по рекомендации которого ее принял в число своих учеников выдающийся берлинский музыкант Карл Таузиг.²¹

Высочайшим повелением от 17 мая 1867 г. лицам, высланным по бывшему польскому восстанию и не желавшим возвратиться на родину, разрешено было по их желанию оставаться во внутренних губерниях России, но без предоставления каких-либо льгот. Все они должны были безвыездно оставаться в местах высылки с ограничением по-прежнему в правах по политическим причинам. Исключение в редких случаях составляли лица, получившие разрешение МВД по особому представлению губернатора.

Частные занятия и ремесленная деятельность была дозволена этим лицам, но также по представлению губернского начальства. Преподавание же уроков, "как в учебных заведениях, так и в частных домах, не только в науках, но и в искусствах и ремеслах" воспрещалась им даже и по освобождении от надзора.

Приобретение недвижимой собственности не возбранялось им, как в местах высылки, так и повсеместно в империи, за исключением Западного края, столиц и столичных губерний, в которых жительство им запрещалось.

В государственную службу бывшие польские ссыльные не допускались, лишь за особо редким исключением некоторым из них удавалось получить должность из-за отсутствия грамотных специалистов. Оставшиеся в местах ссылки имели право на пособие на прежнем основании.²²

Кроме того, на Южный Урал переводятся под надзор полиции более "важные" политические преступники, сосланные после восстания в Сибирь и еще не заслужившие полного прощения. В 1872 г. под надзором полиции в Уфимской губернии состояло 140 человек.²³

Некоторые польские ссыльные, оставшиеся в местах ссылки, в поисках заработка были все-таки вынуждены нарушать Высочайшее повеление от 17 мая 1867 г. В своем донесении Оренбургскому генерал-губернатору в январе 1873 г. Начальник Тургайского уезда сигнализировал, что в Каратургайской волости у младшего помощника своего уезда подполковника Джигангерова обучал детей вольнонаемный учитель из польских дворян Петр Пильницкий, имевший

---

²¹ НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 50об-51; Атанова Л. Вера Тиманова // Сохраним выцветшие строки. Уфа. 1988. С. 80-81.; Уфимские губернские ведомости. 1867. N 50; Там же. 1868. N 8.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 757. Л. 4.

²³ В 1868 г. из Сибири переехал на жительство в Уфимскую губернию дворянин Станислав Новицкий. На основании 1 пункта Высочайшего повеления 17 мая 1871 г. ему были возвращены прежние права состояния, он был освобожден от надзора и получил возможность частных занятий в Уфимской Контрольной Палате.

29 июня 1872 г. из Енисейской губернии в г. Уфу под надзор полиции прибыл политический ссыльный из крестьян Марьян Погоржельский. Через год, в сентябре 1873 г. он обратился к Оренбургскому губернатору за разрешением открыть в Уфе "биржевую гоньбу" - т.е. решил заняться извозничьим промыслом и получил желаемое разрешение.

В 1871 г. был освобожден от надзора и, переехавший из Томской губернии на жительство в г. Оренбург, Болеслав Марциновский. Ему даже было разрешено вступить в государственную службу, но только в Оренбургской губернии.

Из Иркутской губернии в Уфимскую был переведен в 1871 г. Максимилиан Малюкевич, сразу же подавший прошение о разрешении ему занять место приказчика по 1 разряду//НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 913; ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 700. Л. 1; Д. 757. Л. 1; Д. 689. Л. 1; Д. 697. Л. 1,4.

свидетельство на свободное проживание во всех городах Российской империи, за исключением столиц и западных губерний, выданное 2 ноября 1871 г. Троицким уездным исправником. Петр Пильницкий находился под надзором в г. Троицке с 19 сентября 1864 г. по 2 ноября 1871 г. Пильницкому было запрещено обучение киргизских детей. Но, так как, по мнению Начальника Тургайского уезда, Пильницкий, "не имея собственных средств, оставаясь в киргизской степи, вынужден будет, за отсутствием возможности к другому заработку в среде ордынцев, или тайным путем продолжать свои педагогические занятия в киргизских семействах, или заниматься писанием киргизам просьб, поощряя из собственных интересов развитие кляузничества; при таких условиях и возможности сближения с киргизами и пропаганды вредных идей" Тургайский начальник просит о запрещении Пильницкому вообще проживание в Киргизской степи.²⁴

Однако были исключения и в отношении педагогической деятельности ссыльных поляков. Все зависело от местного начальства.

Дети польских ссыльных, обычно, учились в местных учебных заведениях: училищах, реже, в гимназиях, так как не каждая ссыльная семья могла себе это позволить из-за дороговизны обучения и различных препонов, устраиваемых местным начальством. Официального запрета на обучение детей польских ссыльных в местных учебных заведениях не было.

В 1869 г. директор училищ Оренбургской губернии возбудил вопрос о том, могут ли быть принимаемы в учебные заведения на общем основании дети политических преступников польского происхождения. Генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, рассмотрев этот вопрос, признал «неудобным допускать детей польских ссыльных к приему в учебные заведения Оренбургского края, так как они под влиянием своих родителей и родственников неминуемо будут проводить вредные идеи между русским юношеством, как это случилось два года тому назад в г. Троицке, где допущенный к обучению в 1 классе уездного училища 9-летний сын сосланного поляка Козловского при учениках износил оскорбительные слова, касающиеся особы государя императора. Опытом уже дознано, что ребенок, принадлежащий к семейству ссыльных поляков, может служить только средством приманки русских детей в польские дома, коих в Оренбургском крае так много. Через ребенка своего сосланные отец и мать проникают в общество учебных заведений и там распространяют свою пропаганду». На этом основании Крыжановский просил министра внутренних дел воспретить прием в учебные заведения Оренбургского края, как мужские, так и женские, детей политических преступников ввиду значительного числа их в крае.²⁵

Однако, министр внутренних дел не пошел навстречу осторожному губернатору. В своем ответе от 12 марта 1870 г. он писал: "Вполне сознавая необходимость оградить русское юношество от вредного влияния, тем не менее нельзя оставить без внимания следующие обстоятельства. Дети политических ссыльных, ничем не заявившие вредного направления, находятся в отношении права на вступление в учебные заведения в одинаковых условиях с детьми лиц русского

---

²⁴ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 740. Л. 1-2об.

²⁵ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 651. Л. 1, 3-4.

происхождения, и потому едва ли было бы справедливо воспрещать им доступ в учебные заведения. Препраждать пути образования детям лиц, несущих наказания за свои преступления, значило бы увеличивать меру павшего на последних взыскания распространением оною на семейства их. Рассматривая настоящий вопрос с точки зрения Вашего Превосходительства, оказывается, что хотя за недопущением детей польских уроженцев в учебные заведения действительно и затрудняется до некоторой степени сношение их с русским юношеством, но едва ли возможно желать этого в крае, где ссыльные составляют незначительный процент в сравнении с массою русского населения. Сообщество русских детей, наблюдение и руководство русских наставников в заведениях, казалось бы, должно иметь благотворное влияние на польское юношество в смысле обрусения его, между тем как если бы осуществить меру, предлагаемую Вашим Превосходительством, то польские дети, оставаясь исключительно в польском кругу, само собою разумеется, возрастут и останутся под влиянием, враждебным правительству, что едва ли не вреднее, нежели допущение их в учебные заведения, где они могут находиться под постоянным контролем. По этим основаниям, я, по согласованию с шефом жандармов и Министром Народного Просвещения, полагал бы не лишать детей политических ссыльных права на вступление в учебные заведения Оренбургского края.»²⁶

Среди оставшихся на жительстве в Уфимской губернии был дворянин, уроженец Мозырского уезда Минской губернии Петр Пенькевич, сосланный под надзор полиции в г.Уфу 31 августа 1864 г. за "нахождение в шайке, откуда явился добровольно до 1 марта 1863 г". Петру Марковичу Пенькевичу было в то время 17 лет.²⁷ В течении долгих лет Пенькевич стойко переносил все невзгоды ссылки, поддерживая свое материальное положение работой по вольному найму в казенной палате. После освобождения из-под надзора в мае 1871 г. Пенькевич женился на дочери оружейного мастера из г.Златоуста, по национальности - немке. Семья обосновалась в д.Урунда Нагаевской волости Уфимской губернии (ныне Иглинский район). 5 января 1884 г. в семье родился сын - Альберт - будущий светило советской педагогики, автор популярных до Октябрьской революции учебников: "Краткий учебник химии, минералогии и геологии для учительских институтов и семинарий", "Краткий учебник минералогии для кадетских корпусов и высших начальных училищ", "Методика начального курса естествознания (природоведения)», первый выборный ректор 3-го педагогического института (впоследствии ЛГПИ им. А.И. Герцена), организатор и первый ректор Уральского университета в г. Екатеринбурге, ректор 2-го МГУ (впоследствии МГПИ им. В.И. Ленина). После революции свет увидели его двухтомная "Педагогика" с подзаголовком "Опыт марксистской педагогики", получившая широкое распространение, книги: "Основные проблемы советской школы", "Введение в педагогику", "Естествознание, педагогика, марксизм", "Педагогические идеи Великой Французской революции" (совместно с О.Е. Сыркиной), "Марксистская педагогическая хрестоматия" (в двух частях), "Советская педагогика за десять лет", "Основы педагогики. Рабочая книга

---

²⁶ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Л. 6-9.

²⁷НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 99об-100; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 827. Л. 68.

для педтехникумов", "Педагогика и марксизм", "Краткий очерк истории педагогики", "И.Г.Песталоцци", "Хрестоматия по истории педагогики" (том третий). В период культа личности Альберт Петрович Пенькевич стал жертвой произвола и погиб в расцвете творческих сил. Посмертно реабилитирован.²⁸

Среди польских ссыльных были довольно предприимчивые люди, которые, воспользовавшись местными условиями жизни, разворачивали свое дело, что не всегда нравилось местным жителям и начальству. Так, в 1863 г. из Саратова в Уфу был переведен польский ссыльный прапорщик Цезарий Яковлевич Пташковский, признанный вредным для проживания в Саратове, так как "вел торговлю и имел средства к жизни весьма достаточные". В сентябре того же года он был отправлен на жительство в г. Белебей Уфимской губернии, где сразу же по приезду занялся торговлей - купил 104 киргизских барана, зарезал, шкуры с них променял на мед, а мясо и сало продавал на базаре в Белебее. Городовой старшина обратился в Белебеевское уездное полицейское управление с просьбой воспретить Пташковскому торговлю мясом, салом и шкурами баранов, так как Пташковский не внес установленных за право торговли пошлин. Но полиция не решилась обязать Пташковского подпиской не производить торговли, ибо по торговому расписанию мясо домашних животных продавать на базаре разрешалось без пошлин. Запретить обмен шкур на мед полиция также была не вправе, так как Пташковский объяснил, что обменял шкуры на мед для собственного употребления.

Кроме Пташковского. в Белебее проживали поляки: Юхневич, Гаевский, Залеская, Покубято, Стржеминский, Янишевский, Зеньковский и др., причем последние четверо невзлюбили Пташковского, обвиняя его в малодушии, хвастовстве и "шаткости его патриотизма", и прекратили с ним знакомство. По донесению полицейского начальства поляки в Белебее часто занимались непристойными увеселениями, устраивая оргии. Однако и с местными жителями Пташковский не мог ужиться. Дворянский заседатель Кириллов оскорблял его, обзывая "безграмотным дураком, безмозглым поляком" и т.д. Временами дело доходило до драки. Ц.Я. Пташковский не сошелся с местным обществом из-за своего характера и образа жизни. Самолюбивому, деятельному и энергичному Пташковскому не хватало в маленьком захолустном городке размаха для развития своего дела. К тому же Белебеевское общество, вообще не слишком расположенное к полякам, особенно возненавидело слишком предприимчивого поляка. Белебеевский уездный исправник возбудил ходатайство о переведении Пташковского в Уфу, "где он будет не так заметен и может иметь более возможностей быть занятым". Вместо Пташковского исправник просил выслать в Белебей "какого-нибудь мастерового, например, портного или кузнеца, в которых Белебей нуждается". 6.08.1864 г. Пташковский подал прошение о переводе его в Уфу. 19.02.1865 г. он был отправлен в Челябинск. Однако и в Челябинске Пташковский не ужился с местным обществом, занимаясь, по-видимому, ростовщичеством. Вскоре он подал прошение о взыскании с инженер-поручика

---

²⁸Корнейчик Т. А.П. Пинкевич//Народное образование. 1964. N 1. С. 97-100; Никуличева Е.И. Пинкевич Альберт Петрович//Башкирский край и его народы. Тезисы научно-краеведческой конференции. Уфа. 1990. С. 341

Константина Витовского "следуемых Пташковскому по расписке и расчетам денег 300 рублей серебром и вещей". Вскоре Пташковский подал прошение о переводе его в другой город и был переведен в Оренбург. В 1972 г. В Оренбургской судебной палате слушалось дело о хулиганстве (буйство, драки) Пташковского. Но дело было прекращено за недоказанностью улик. Полицейский надзор был снят с него в октябре 1873 г.

В г. Троицке Оренбургской губернии занимался торговлей солью шляхтич из г. Варшавы Леопольд Псарский.

Бывший польский ссыльный Г.Штехер стал в последующем владельцем в Уфе аптеки и завода фруктовых вод. Его сын - Геннадий Гиляриевич Штехер, впоследствии доцент БГУ, был одним из основателей Института народного образования в Уфе в 1920 г.²⁹

Поляки, сосланные на Южный Урал на жительство под надзор полиции и "водворенные на казенных землях Оренбургской и Уфимской губернии" в 1864-1865 гг., постепенно привыкли к новым условиям жизни, многие из них близко сошлись с местным населением, ассимилировались. Причем, процесс этот протекал довольно активно. Так, если в 1865 г. из 520 польских ссыльных католического вероисповедания, размещенных на землях Оренбургской губернии всего 5 человек приняло православие и 8 человек женилось на православных девушках,³⁰ то через три года, в 1868 г. православие приняло уже 29 человек и 29 поляков женилось на православных.³¹

Из польских ссыльных, водворенных в Оренбургском уезде, в 1868 г. 18 человек вступило в брак с местными крестьянками православного исповедания и сами приняли православие,³² один человек, приняв православие, остался холостым,³³ 6 человек, женившись на православных, не сменили исповедание.³⁴

---

²⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 11. Л. 1, 12, 13, 25, 32, 35, 56, 57, 65, 74-77, 133; НА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 122об-123; Семенова С. Завещание Геннадия Штехера //Вечерняя Уфа. 1992. N. 15 августа.

³⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 20.

³¹ Имена некоторых польских ссыльных, сделавших в 1868 г. шаг к сближению с русским населением Южного Урала, дошли до наших дней: В г. Троицке вступил в брак с православной девушкой Адольф Бржезинский, однако сам он продолжал исповедывать католицизм// ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 29-36.

³² по Дмитриевской волости:

1. Липеша Антон женился на государственной крестьянке Федосье Александровой.
2. Садовский Матвей женился на государственной крестьянке Прасковье Кузьминой.
3. Ульбин Петр женился на государственной крестьянке Афросинье Егоровой.
4. Неробиш Иосиф женился на государственной крестьянке Василисе Семеновой.

по Покровской волости:

5. Франчик Антоний женился на Авдотье Трофимовой. У них сын Александр.
6. Хмелевский Александр женился на Елизавете Михайловой. У них сын Дмитрий.
7. Ушинский Антоний женился на Прасковье Егоровой.

по Семеновской волости:

8. Лянков Павел женился на государственной крестьянке. Имя неизвестно.
9. Михайловский Казимир женился на государственной крестьянке.

по Белозерской волости:

10. Генрих Шульчевский женился на солдатской вдове Софье Осиповой.
11. Крушинский Михаил женился на дочери покойного дьякона Серафима Иванова.
12. Саблинский Иосиф женился на государственной крестьянке Марье Степановой.

по Каликинской волости:

13. Павлюк Леонтий женился на государственной крестьянке Евдокии Андреевой.

Из польских ссыльных, водворенных в Челябинском уезде, в 1868 г. 10 человек вступило в брак с местными крестьянками православного исповедания и сами приняли православие,³⁵ 21 польский ссыльный вступил в брак с местными православными крестьянками, но сами при этом остались католиками.³⁶

по Рождественской волости:

14. Писант Вильгельм женился на государственной крестьянке Марье Егоровой.

по Павловской волости:

15. Голецкий Андрей женился на государственной крестьянке Анне Кареевой.

16. Умарис Яков женился на государственной крестьянке Анисье Петровой.

17. Гумовский Осип женился на государственной крестьянке Акулине Федоровой.

18. Гурский Осип женился на государственной крестьянке Елизавете Федоровой.

³³ Третьяк Казимир, проживавший в Дмитриевской волости, приняв православие, остался холостым.

³⁴ В их числе:

по Михайловской волости:

1. Фред Антон женился на государственной крестьянке Марье Екимовой.

2. Барковский Ян женился на государственной крестьянке, проживавшей в Слоновской волости Оренбургского уезда. Имя не известно.

3. Вержинский Юзеф женился на государственной крестьянке Акулине Николаевой.

4. Кржимайло Ян женился на мещанке Пелагее Ивановой.

5. Дородилко Каспер женился на государственной крестьянке, проживавшей в Забавской волости. Имя не известно.

по Абраимовской волости:

6. Сыровецкий Станислав женился на Наталье Игнатьевой // ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 31-33.

³⁵ Среди них:

с. Птичье:

1. Залеский (Залецкий) Александр Павлович.

д. Логоушинская:

2. Роговский Константин Иванович.

с. Чумляцкое:

3. Катанский Иван.

д. Большая Шумакова:

4. Корженевский Иван.

д. Малая Шумакова:

5. Кулага Леон.

с. Буташ:

6. Кухарчик Николай.

д. Чеснокова:

7. Козловский Семен.

д. Окунево:

8. Горбышевский Григорий.

д. Буланово:

9. Лисовский Григорий Козьмин.

д. Чудиновая:

10. Войновский Карл.

Имена их жен не указаны // ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 35.

³⁶ Среди них:

д. Буровая:

1. Сумковский Феликс.

2. Новаковский Станислав.

д. Растатурская:

3. Лисецкий Валентин.

4. Махчинский Доменик.

с. Карачельское:

5. Томашевский Антоний.

с. Иванковское:

В 1870-е гг. некоторые польские ссыльные, водворенные в 1864 г. на жительство в сельской местности, переселились в город и получили статус полноправных горожан.³⁷

Несмотря на бдительный полицейский надзор за польскими ссыльными и содействие, насколько было возможно, процессу ассимиляции польских переселенцев, правительство постоянно опасалось заговоров в среде поляков и старалось контролировать их контакты с местным населением. Поэтому при малейшем подозрении (чаще всего беспочвенном) на готовящиеся беспорядки, немедленно принимались меры предосторожности. Так, в феврале 1864 г. появились слухи о готовящемся башкирами и поляками в Челябинском уезде восстании. Одним из участников предполагаемого восстания назывался Челябинский кантонный начальник Кричинский. Предпринятое расследование не дало положительных результатов.³⁸

Во исполнение предписания Оренбургского уездного полицейского управления начальником Татищевской станицы было проведено в марте 1869 г. расследование о существовании в юрте станицы Татищевской польской революционной партии. Станичное правление не только не нашло такой партии в станице, но и слухов ней не выявило.³⁹

---

6. Жилинский Иван.

д. Клопово:

7. Сумалевич Антон.

8. Павелюнец Яким.

9. Золоткус Антон.

с. Веденское:

10. Барановский Адам.

11. Рогель Якуп.

д. Малая Окунева:

12. Новиков Иван.

с. Корочельское:

13. Клементович Владислав.

с. Окуневское:

14. Глесс Вильгельм.

с. Варлаково:

15. Гайдемович Франц.

с. Кочердык:

16. Граблевский Вицентий.

д. Борина:

17. Кулага Михайло.

д. Гоманиловая:

18. Козловский Антон.

д. Чудиновая:

19. Козелло Марцелий.

20. Кравчик Войцех.

Кипельская вол:

21. Бржеставский Феликс.

Имена жен не указаны// ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 36.

³⁷Так, в 1874 г. к Оренбургскому городскому сословию был причислен, с разрешения Государя Императора, сосланный ранее на водворение в Оренбургскую губернию Иван Дусай//ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 763. Л. 2.

³⁸ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 310.

³⁹ГАОО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

В большинстве случаев местные власти и коренное население относилось к польским переселенцам довольно лояльно.

О хорошем отношении высшего общества к полякам в Уфимской губернии в XIX в. свидетельствовал В.Б. Загорский. Его отцу, служившему губернским врачебным инспектором, местное дворянство предложило выйти из состава дворянства Виленской губернии и вписать его в дворянскую родословную книгу Уфимской губернии. Загорский благодарил за оказанную честь, но отказался.

О доброжелательности уфимских дворян к полякам свидетельствует также следующий факт. Около 1877 г. в Уфу после окончания Варшавского университета приехал в качестве земского врача молодой доктор Генрик Карасинский и сразу же хорошо был принят в местном обществе. Карасинский часто посещал Дворянское собрание, участвуя во всех мероприятиях общества. Но однажды во время игры в бильярд Генрик поссорился с одним из местных дворян, отличавшихся вспыльчивостью характера. Россиянин в сердцах назвал Карасинского «полячишкой», но тут же опомнившись, попросил у него прощения. Однако инцидент получил огласку и по решению членов Дворянского собрания проштрафившийся господин был исключен из состава Дворянского собрания, что автоматически вызывало его увольнение от службы и другие нежелательные последствия. Дело приняло не шуточный оборот и только вмешательство и горячее заступничество Б.И. Загорского за несчастного уфимского дворянина поправило дело - приговор был отменен.⁴⁰

Поляки хорошо контактировали не только с христианским населением края, но и с мусульманами и с язычниками. Примером тому может служить жизнь польского ссыльного Яна Виткевича, хорошо изучившего в ссылке татарский, киргизский и персидский языки. Определенный на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, Виткевич находился в постоянных сношениях не только с татарами и киргизами, но и с приезжающими в Оренбург торговыми людьми из г. Хивы, Бухары и Кабула. Усвоив все их обычаи и обряды, он при поездках в степь одевался и снаряжался в путь по-азиатски, а в степи исполнял даже, предписанные кораном, в определенное время обряды омовения и молитвословия, так что его там стали считать своим.⁴¹

Другой польский ссыльный - Зыгмунт Сераковский научился говорить по-казахски и стал доверенным лицом тех казахов, которых царские власти сгоняли на строительство укреплений форта Перовский. Бронислав Залеский, находившийся в ссылке в Оренбургском крае в середине XIX в. самостоятельно и вместе с Тарасом Шевченко рисовал многих казахов и имел друзей среди тех, кто ему позировал.⁴²

Много сделал для просвещения чувашского населения Белебеевского уезда Уфимской губернии талантливый учитель-поляк Дворжецкий Станислав

---

⁴⁰Zahorski Wladislaw. Moje wspomnienia. 5 tomow. //Biblioteka Narodowa. S. BN 11.10455. T. 1. S. 176-177.

⁴¹ГПБ. Ф. 43. Папка 2. Ед. хр. 1. Л. 12-13.

⁴²Дьяков В.А. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского//Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 76-77; Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., Наука. 1964. С. 56-57, 63-64, 72-78, 80.

Антонович, прекрасно знавший язык, характер, обычаи и обряды чувашского народа.⁴³

Прекрасно ладили со служителями мусульманского культа упоминаемые выше Загорские, снимавшие в 1870-е гг. квартиру в доме ахуна 1-й уфимской соборной мечети. В.Б. Загорский описывает праздничный обед с мусульманским духовенством во главе с муфтием Тевкелевым в доме ахуна.⁴⁴ Однажды, во время посещения гимназистом Загорским и его другом мечети, муфтий Тевкелев преподавал им урок поведения в культовом заведении. Обратив внимание, что присутствовавшие в мечети мужчины не снимали национальных головных уборов (тюбетеек), Загорский с другом также остались в шляпах, решив, что так принято. По окончании службы Тевкелев укорил их в этом, сделав замечание, что в мечети христиане должны вести себя так же, как и в своей святыне, иное поведение расценивается как греховное.⁴⁵

Отношение к полякам изменилось в худшую сторону с назначением в 1875 г. на должность уфимского гражданского губернатора Левшина, который ненавидел поляков. При чем ситуация настолько накалилась, что многие прекрасные специалисты и уважаемые в Уфе люди вынуждены были покинуть город и губернию. Так, в конце 1870-х гг. переехали в г. Пермь семьи доктора Загорского и архитектора Карвовского.⁴⁶

Не так лояльно относились к ссыльным полякам в г. Оренбурге, хотя до 1860-х гг. отношение к ним было вполне доброжелательным. Известный польский историк Тадеуш Корзон, отбывавший в этом городе ссылку в 1860-е гг, вспоминает, что поляки в первое время пользовались расположением местных жителей и администрации - получали возможность зарабатывать на жизнь. Но после восстания 1863 г. с ужесточением политики царских властей по отношению к полякам отношение к ссыльным администрации, а затем местного населения также ухудшилось. Летом 1864 г. в восточной России вспыхнула "эпидемия" пожаров в которых обвинялись поляки, что также отражалось на их взаимоотношениях с местным населением.⁴⁷

Особенно резко ухудшилось отношение к полякам в 1880-1890-е гг., в годы правления Александра III. Российская пресса в эти годы изобиловала статьями, воспитывавшими в россиянах неприязнь к полякам и оправдывавшими царскую политику по отношению к Польше и полякам.

Результаты исследования показали, что пребывание поляков на Южном Урале является неразрывной частью как польской, так и уральской истории. Следует отметить, что вклад поляков в хозяйственное и культурное развитие Южного Урала был значительным. В силу своей более высокой, по сравнению с местным населением, образованности, а также врожденной любознательности и предприимчивости, поляки принимали участие во всех областях жизни местного края. Многие из них были домашними учителями, обучавшими детей, а часто и

---

⁴³НА РБ, Ф. И-113, Оп. 2, Д. 233, Оп. 1, Д. 694.

⁴⁴Zahorski Wladislaw. Moje wspomnienia. T. 1. S. 225.

⁴⁵Там же. S 242.

⁴⁶Там же. Т. 1. S 283-284; Т. 2. S 27.

⁴⁷Korzon T. Mój pamitnik przedhistoryczny, Krakow, 1912. S 110-120.

взрослых не только чтению и письму, но и более сложным научным дисциплинам (математике, физике, философии, иностранным языкам и др.). Поляки приобщали уральских дворян к европейскому музыкальному и танцевальному искусству, участвовали в создании первых уральских музеев, театров, музыкальных школ, оркестров, библиотек. выполняли функции просветителей, ученых, врачей, музыкантов, государственных служащих, военных.

Таким образом, поляки вносили культуру и знания во все сферы жизни местного общества и, в большинстве случаев находились в дружественных отношениях с местным населением, находя у него поддержку и понимание.